

"Я..." Я заикался, охваченный ужасом. "Мне так жаль, Абраксас. Мне так... мне так жаль".

Я выронила коробку, которую держала в руках, и стремительно отвернулась от него, намереваясь бежать. Однако что-то привлекло мое внимание - какое-то движение у дверей, ведущих в раздевалки, и я оглянулся, ожидая увидеть белку, или первокурсника, или кого-нибудь еще, кроме того, что... кого я увидел.

Потому что рядом с полем стоял Том Риддл, скрестив руки на животе и наблюдая за нами. Я мог только разглядеть его лицо, его черты - видел ли он нас? Видел ли он, как Абраксас пытался отдать мне кольцо? Видел ли он поцелуй? Видел ли он, как я оттолкнула его?

Он понял, что я заметила его. Прошло всего лишь мгновение, доля мгновения, а мой мозг уже работал в усиленном режиме. Абраксас тянулся к моему локтю. Он что-то говорил. Он не понимал. Он был в замешательстве. Я должен объяснить, не так ли? Я должен... нет. Я должен был уйти. Я должен был бежать. Я должен был сделать так, чтобы это прошло. У меня не было времени на оправдания. Не сейчас.

Том Риддл поднял руку, как бы махая.

А потом ухмыльнулся.

Как будто он что-то знал. Как будто он что-то видел. Как будто это было смешно.

Кольцо по-прежнему было на мне.

Двадцать минут спустя я вышагивала перед гобеленом Барнабаса Барми на седьмом этаже замка, при каждом шаге юбка задиралась к бедрам, а в голове крутились довольно сумасшедшие мысли:

Мне нужно спрятаться.

Я хочу домой.

Мне нужно спрятаться.

Я хочу домой.

Мне нужно спрятаться.

Я хочу домой.

В стене появилась неприметная коричневая дверь, и я чуть не рухнул от облегчения. Наконец-то. Место, куда можно пойти. Место, куда можно сбежать. Туда, где никто не сможет проследить, никто не сможет шпионить, никто не сможет застать меня плачущей. Я открыла дверь дрожащей рукой, не зная, что будет ждать меня по ту сторону, и когда я увидела, что там, то не смогла сдержать улыбку.

Потому что это была общая комната Гриффиндора, идеальная копия, вплоть до бордовых подушек, которыми были набиты диваны. Я сглотнула, снова и снова, захлебываясь чем-то, что могло быть счастьем; все было таким знакомым, каждый квадратный дюйм, и пахло домом, пергаментом, полиролью для метлы и шоколадом, воздух был теплым, успокаивающим, и огонь пылал, а когда я посмотрела на угловой столик с шахматами, я почти увидела Гарри и Рона, спорящих, смеющихся, ожидающих, когда я отложу книгу и присоединюсь к ним.

Я прошла вперед, колеблясь и проводя кончиками пальцев по мягкой, потертой коже соседнего кресла. Это было нездорово. Это было неправильно. На мне был зеленый галстук, галстук Слизерина, и мне здесь было не место. Я так сильно хотел - слишком сильно - удержать то, что уже не принадлежит мне. Наступил 1944 год. Мне пришлось столкнуться с реальной возможностью того, что я не смогу вернуться домой. Я не мог продолжать вспоминать, скучать и оплакивать ту версию себя, которой не разрешалось существовать.

Не здесь. Никогда.

Я вздохнула.

Он, блядь, поцеловал меня.

Поцеловал меня.

И я...

Я хотела вылезти из своей гребаной кожи. Мне хотелось отпихнуть его от себя, яростно вытереть рот и уйти.

Даже несмотря на то, что я позволяла ему преследовать меня неделями. Несмотря на то, что я знала, чего он хочет. Я знала, что он неправильно истолковал мою привязанность к нему. Но я не хотела ничего говорить. Я не хотела разрушать нашу короткую и непрочную дружбу, рассказывая о том, что он хотел трахнуть меня. Ведь тогда мне пришлось бы признать, что это не так. Мне пришлось бы сказать ему, что он прекрасный человек - правда, прекрасный, - но что я просто не испытываю к нему таких чувств. И как я должна была это сделать? Как я могла объяснить, что каждый раз, когда я смотрю на него, я переношусь на пятьдесят лет в будущее? Что его сходство с моим детским заклятым врагом было настолько абсолютным, настолько невероятным, что порой у меня перехватывало дыхание?

Ответ был прост.

Я не могла. Я не мог сказать ему об этом. Я не могла дать адекватное объяснение своей реакции. Я знал это.

А Том Риддл наблюдал за тем, как я отвергаю Абраксаса, и ухмылялся, явно забавляясь тем, как я паникую и поспешно бросаюсь прочь, торопливо бормоча едва различимые извинения. Он просто всегда был рядом, каждый раз, когда я поднимала глаза. Он знал, что он мне не нравится. Он знал, что я чувствую себя неловко из-за него. Но он не знал, почему. И не мог. Но он хотел. Он был полон решимости. Это было очевидно.

Я тяжело опустилась на красный тартановый диван. Я не должна была отталкивать Абраксаса. Я должна была поцеловать его в ответ. Он был мне нужен. Я должна была продолжать притворяться. Конечно, поцеловать его было бы не так уж и неэтично? В конце концов, он был мне нужен. У меня была веская причина. У меня была. Была. Просто было гораздо сложнее быть храброй, когда рядом не было никого, кто мог бы подхватить меня, если бы все пошло не так. Я не ожидал этого, когда только приехал. Картина, которую нарисовал Дамблдор, - я, эмоционально недоступный, действующий, улыбающийся, притворяющийся, все время притворяющийся, всегда лгущий, прячущийся - поначалу не казалась такой уж одинокой. Это казалось рациональным. Это имело смысл. Это было логично. Но теперь я не был уверен. Я вцепилась в Абраксаса так быстро, так инстинктивно. Он был мне нужен. Действительно нужен.

Потому что...

Потому что...

Потому что я была чертовски одинока.

"Одна", - прошептала я, смаргивая слезы.

Когда я произнесла это слово вслух, оно показалось мне грязным и горьким - неправильным, как будто не подходило, не работало, не было предназначено для меня, не должно было быть обо мне. Но это было так. Это было про меня. Я был один, один так, как никогда раньше, и я ничего не мог с этим поделать. Ни черта.

Я рос единственным ребенком, практически без друзей, но даже тогда... даже тогда у меня были родители, не так ли? Родители, которые любили меня, поддерживали и знали обо мне все, даже такие глупости, как то, как я люблю яйца, и имя, которое я дал своему плюшевому кролику, когда мне было восемь. А потом я поехала в Хогвартс, наконец-то нашла свое место в мире, свое место, и у меня были Гарри, Рон, Уизли и многие другие, многие люди, которым было не все равно, которые скучали бы по мне, если бы я уехала, которые заметили бы, если бы меня не было. Так много людей, все время, и я никогда не была одна, никогда, как следует, а теперь я была, действительно была, и я даже не могла никому рассказать, я даже не могла сделать это лучше - потому что у меня был секрет, полярный секрет, и никто не мог знать. Я

был изолирован. Я был другим. Я была одна.

И Абраксас - милый, нежный, яростно защищающий Абраксас - пытался меня поцеловать. Абраксас пытался поцеловать меня, и я была чертовой идиоткой, если удивлялась тому, что произошло.

Я вздрогнула, подтянула ноги под себя и уставилась на камин. Я слышала радостные возгласы с игры в квиддич, когда команды домов выходили на поле. Как такое возможно?

Но... нет.

Я не был удивлен. Я и не удивлялся. Я притворялась, как притворялась с самого приезда сюда, и задела его чувства. Я не хотела. Я не хотела так быстро отступать. Я действительно не хотела. Просто он был не в себе, совсем не в себе, его губы были сухими и потрескавшимися, почти кожистыми, и меня словно током ударило, мне захотелось уйти, оттолкнуть его... Может, это было несправедливо, может, мне стоило дать ему шанс, но...

На вкус он был похож на Рона. Как бальзам для губ, бекон и что-то слегка кислое. Это было поразительно. Это было тошнотворно. Это было как удар в живот, жесткий, грубый и неожиданный, и мне стало... грустно.

Грустно.

Абраксас поцеловал меня, и от этого мне стало грустно.

Я подергала себя за нитку на свитере, проводя ногтем по порванной, зазубренной нити. Что со мной не так? Он был красив. Он был добрым. Он слушал меня, провожал на занятия и не задавал лишних вопросов. Он был прост. Он был прямолинеен. Я ему нравилась.

Я отбросила нитку с дивана, сузив глаза, когда она приземлилась в шести дюймах от моих коленей. На вкус он был похож на Рона. Рон. Моего лучшего друга - парня, в которого я была влюблена долгие годы, вплоть до того, как он наконец поцеловал меня прошлым летом. Это было так разочаровывающе, я романтизировала его, мечтала о том, каким он может быть на ощупь, на вкус, и это было ужасно. Он был ужасен. Сам поцелуй был мокрым, грязным и неприятным, и мы оба отпрыгнули назад, немного ужаснувшись, и договорились никогда больше не упоминать об этом.

Вот о чем напомнил мне Абраксас. Я застонала. Я не могла сказать ему этого. Не могла. Я бы...

О, черт.

Я вскочила на ноги с палочкой в руке, сердце билось так бешено, что я была уверена, что оно прорвется сквозь грудную клетку.

Кто-то был здесь.

Кто-то открывал эту чертову дверь.

Кто-то нашел меня - следил за мной?

Том Риддл.

Том Риддл нашел меня, следил за мной.

Том Риддл открывал эту чёртову дверь.

Том Риддл был здесь.

А потом...

Его голос.

Глубокий, богатый и шелковистый.

Даже завораживающий.

Черт возьми.

"Ну, это, конечно, не то, чего я ожидала".

<http://erolate.com/book/4143/120687>